

Сообщества, справедливость, активизм: экологическая перспектива в социальном познании*

П. А. САФРОНОВ

(МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. М. В. ЛОМОНОСОВА)**

В статье исследуется проблема формирования социально-политической субъектности локальных сообществ. Анализируются причины, затрудняющие развитие этого процесса в России. Ключевые слова: сообщества, субъектность, справедливость, неравенство.

Communities, Justice, Activism: Ecological Perspective for Social Perception

P. A. SAFRONOV

(M. V. LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY)

The paper scrutinizes the problem of local communities' social and political subjectness formation. The author also analyses the reasons that hinder this process development in Russia. Keywords: communities, subjectness, justice, inequality.

Последние десятилетия стали временем массовой активизации экологических движений в странах Западной Европы, Северной Америки и по всему миру (Della Porta, Tarrow, 2005). Развитию данного процесса в значительной мере способствуют новые информационные технологии, которые позволяют индивидам, лишенным прямого доступа в публичное пространство, заявить о себе в виртуальной среде. В результате возникает эффект своеобразной «горизонтальной глобальности», основанной на деятельности транснациональных сетевых сообществ, которые объединяют людей, мобильность которых по тем или иным причинам затруднена (Sassen, 2009). Члены таких сообществ действуют как бы *в порах* национальных государств, сопрягая международное общественное мнение с локальными проблемами. Деятельность сообществ способствует мгновенному распространению мнений отдельных лиц за счет электронных средств коммуникации и одновременно выступает

как индикатор значимости тех или иных тем в мировом масштабе. Учитывая ограниченные возможности национальных государств контролировать виртуальные взаимодействия, а также неблагоприятное влияние сведений о загрязнении окружающей среды на имидж отдельных стран, глобальные экологические сообщества становятся реальными участниками международной политики, действуя при этом *изнутри* национальных государств (Sassen, 2009).

Политическое значение экологического активизма определяется его прямым участием в артикуляции *неравенства* населения различных регионов мира в доступе к экологическим благам, к возможностям для развития человеческого потенциала и участия в принятии решений, предполагающих воздействие на окружающую среду (Bryant, 1995; Bullard, 1993, 2005). Постоянно поддерживаемое обсуждение имеющегося неравенства влечет за собой вопрос об экологической *справедливости* не только в смысле ус-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ для поддержки молодых российских ученых и ведущих научных школ МД-140.2010.6 «Справедливость в сфере принятия экологически значимых решений: теоретические основания и практические контексты» (руководитель проекта А. В. Прокофьев).

** Сафронов Петр Александрович — кандидат философских наук, научный сотрудник философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Тел.: +7 (495) 939-19-40. Эл. адрес: psafonov@list.ru

ловий равномерного распределения экологических выгод и потерь в глобальном масштабе, но и в смысле признания значения экологической составляющей прав человека на уровне отдельных сообществ (Schlosberg, 2007). Таким образом, именно проблематика справедливости, с одной стороны, содействует включению экологических движений в широкий контекст гражданских движений за права человека, а с другой — непосредственно объединяет локальные и глобальные компоненты экологических движений. В каком-то смысле правомерно утверждать, что мы имеем дело с новой — экологической — волной глобализации, интегрирующей и переориентирующей глобализацию политическую, экономическую и культурную.

Защита экологической справедливости оказывается тесно переплетена с осознанием и (вос)производством роли сообщества как одного из центральных *субъектов* политической, экономической и культурной деятельности. В свою очередь, именно символическая и коммуникативная «видимость» субъектности сообществ (Cohen, 2001) оказывается ключевой для усиления общественной значимости защиты экологического благополучия. Такое усиление происходит не вопреки, а благодаря теоретико-методологическим затруднениям, связанным с выработкой единого понимания сообщества (Day, 2006). Потенциальный и актуальный *плюрализм* стратегий (само)реализации сообщества позволяет акцентировать внимание на принципиальной множественности способов борьбы за экологические права граждан. С точки зрения экологического активизма сообщество можно рассматривать как форму устойчивой коллективной идентификации группы людей, связанных деятельностью по отстаиванию локальных экологических прав и поддерживающих ее за счет глобальной коммуникативной инфраструктуры. В свою очередь, публично артикулированная апелляция к экологической справедливости оказывается для индивидов средством кристаллизации сознания принадлежности к определенному сообществу людей, испы-

тывающих ограничения своих прав (Schlosberg, 2007).

Формирование широкого экологического тренда в общественном сознании потребовало ревизии концептуального аппарата социального познания. В первую очередь это касается понятия «государство» и способов организации политической власти в обществе. На фоне разочарования в рационалистическом индивидуализме западного образца и основанном на нем политическом и экономическом устройстве (Nadeau, 2003) складываются контуры *экополитики*, базирующейся на активном участии локальных сообществ как в местном управлении, так и в принятии стратегических решений (Eckersley, 2004). Развертывание этого процесса подчас сопряжено с критикой новоевропейских стандартов научности, высокая степень формализации которых рассматривается как одна из первопричин экологической безответственности политики и экономики XX столетия (Nadeau, 2003).

Изменяется статус самой науки: ослабление фундаментализма «строгого» естествознания ведет к реабилитации существующих в культуре традиционных способов взаимодействия с природой, которые могут рассматриваться как легитимный источник экспертной оценки (Schlosberg, 2007). Происходит ревитализация проектов «теистического натурализма», основывающихся на отождествлении божественного и природно-космического начала (Fern, 2004). Реакцией на происходящее преобразование концептуального ландшафта науки является трансформация дисциплинарной матрицы социального познания. Активно развиваются такие отрасли, как экологические исследования медиасферы (Cubitt, 2005) или организация экологического образования для взрослых (Hill, Clover, 2003).

Характерной приметой новых отраслей знания становится единство теоретических и практических аспектов. Смыслом создания значительного числа исследовательских предприятий является стремление соответствовать потребностям локальных сооб-

ществ как субъектов экологического действия. Смена рефлексивных паттернов смыкается с активистской деятельностью в рамках повседневной жизни, поскольку именно в последней первоначально артикулируются специфические познавательные потребности индивидов. Осмысление проблематики экологической справедливости играет здесь особую роль, поскольку позволяет обеспечить глобальный активизм теоретическим инструментарием, применимым в разных локальных ситуациях (Schlosberg, 2007).

Сообщество выступает как посредник в коммуникации между личностью, которая испытывает нарушения своих экологических прав, но не владеет достаточными навыками для их обнаружения и экспликации, и научной общественностью. Оно аккумулирует «автобиографическую» информацию и возводит ее в ранг совместно признанного и разделяемого знания, доступного для внешних наблюдателей. То, что на уровне отдельного человека может выступать как неудача, на уровне сообщества приобретает масштаб политически значимого институционального дефекта или стратегической ошибки, выведение которых в пространство публичного обсуждения становится задачей ученых, действующих совместно с активистами и членами локальных сообществ (Szasz, 1994). Важно подчеркнуть, что призыв к восстановлению экологической справедливости в данном случае исходит преимущественно от сообщества, поскольку именно оно, включая будущие поколения, является стороной, которая терпит ущерб (Szasz, 1994).

Критериальным условием развития экологически ориентированного социального познания в коммуитарном контексте и его основополагающим требованием становится признание перспективы *Другого*, размыкающего привычный горизонт понимания, отрицание любых форм универсализма и утверждения человеческой исключительности по определенным признакам (Claviez, 2006). Экологическая перспектива приобретает характер базового эпистемологического требования для социального познания, предпо-

лагающего отрицание (пост)колониального отношения к другим сообществам и природе. Развитие критического измерения экологической перспективы возвращает нас к идее множественной субъектности, к проблеме отсутствия единого «образца» знания, идентичности, природы. Оно сопряжено с выявлением сложности как структурного свойства взаимодействий человека и природы, природы и культуры, человека и человека в природе. При этом сложность как свойство взаимодействий мыслится не только и не столько как последовательная направленная дифференциация более или менее утонченных форм организации, сколько как продуктивное обнаружение гетерогенности различных срезов реальности и их несводимости в исчерпывающее единство.

Природа в целом может быть осмыслена и действительно осмысляется как полноправный участник процессов коммуникативного взаимодействия в мире, дающий подчас неожиданный, но тем не менее релевантный происходящему *ответ* (Cubitt, 2005; Fern, 2004). Каждое сообщество следует рассматривать *на фоне* природы, к которой необходимо относиться с соблюдением требований справедливости аналогичных тем, которые применяются в отношении человеческих индивидов (Schlosberg, 2007). Естественным объектом критики для социального познания тогда неизбежно становится любое притязание установить языковую монополию, легитимирующую и оформляющую единственно возможный способ обхождения с природой.

Характерным примером такого языкового монополизма является российское природоохранное законодательство. Действующий Федеральный закон «Об охране окружающей среды» относит вопросы охраны окружающей среды фактически к исключительной компетенции органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти субъектов РФ. На долю местного самоуправления остается только «организация сбора и вывоза бытовых отходов и мусора» (ФЗ, 2009: ст. 7). Пра-

ва общественных организаций и граждан разъясняются в законе еще более расплывчато. Так, например, в случае размещения объектов, приносящих вред окружающей среде, предполагается «учет мнения населения или результатов референдума» (там же: ст. 13), однако конкретные процедуры «учета мнения» в законе не указаны. По существу, только одна из шестнадцати глав закона специально посвящена экологическим правам граждан, однако и в этом случае механизмы, обеспечивающие реализацию данных прав, прописаны расплывчато. Остальная часть документа занята подробным описанием методов государственного регулирования охраны природы. Сама терминология закона, построенная на использовании таких выражений, как «природный объект» и «антропогенный объект» (там же: ст. 1), звучит достаточно красноречиво.

Внимательное изучение текста ФЗ «Об охране окружающей среды» позволяет утверждать, что российское законодательство не знает (локального) сообщества как отдельного субъекта экологического права. Сходные тенденции можно отметить и в действующей с 2002 г. Экологической доктрине Российской Федерации, рассматривающей задачу охраны природы в терминах формирования «единой государственной политики в области экологии», тем самым превращая «население» в пассивный объект приложения административных усилий (ЭД, 2002). Язык российского экологического права «свертывает» множественную реальность экологических проблем по одному параметру: доступности для государственного регулирования. Этот параметр становится тем самым инструментом конструирования образа реальности, упрощающего многообразие фактов, связанных с экологической проблематикой, и приводящего их к единому знаменателю (Scott, 2006). Такого рода упрощения затушевывают собственно экологическое измерение государственной политики, подставляя на его место содержательно нейтральные приемы и техники администрирования, что — с учетом имеющегося зару-

бежного опыта — порождает оправданные сомнения в эффективности применяемых методов охраны окружающей среды (Howes, 2005; Szasz, 1994). Происходившая летом 2010 г. борьба защитников Химкинского леса против его вырубki в очередной раз продемонстрировала неразличимость сообществ с точки зрения политической картографии исполнительной власти.

Примечательно, что невидимость сообщества как полноправного субъекта экологической политики и экологического права с точки зрения российской государственной машины совпадает с отсутствием сообществ экологических активистов на когнитивной карте исследователей состояния современных социальных движений в России (Клеман, Мирясова, Демидов, 2010). Надо признать, что это связано не столько с недостатками избранной методологии, сколько с действительной слабостью и неразвитостью экологического сознания, в том числе в его коммунитарных формах, в России. Объяснением этого факта отчасти может служить то обстоятельство, что наиболее образованные слои населения России, которые могли бы содействовать внедрению в общественное сознание экологической озабоченности, практически равнодушны к соответствующей теме (Мыслящая Россия, 2009). Такое положение во многом объясняется тем, что в СССР природоохранный активизм выступал в качестве формы своего рода приватного сопротивления режиму, конвертирующего либеральные ценности личного достоинства и самоуважения в представление о необходимости защиты природы от человеческого вмешательства (Вайнер, 1991).

Отдаленные следы этой позиции можно обнаружить в тексте ФЗ «Об охране окружающей среды», объявляющего «первоочередной целью» защиту «естественных экологических систем, природных ландшафтов и природных комплексов, не подвергшихся антропогенному воздействию» (ФЗ, 2009: ст. 4). Трактовка экологического активизма как формы принципиально внеинституциональной деятельности заблокировала воз-

возможности развития конструктивной социальной критики от лица локальных сообществ. Работа в области защиты окружающей среды стала формой личного экзистенциального выбора, что быстро привело к деградации ее теоретико-концептуальной ценности. Осмысление проблематики экологической справедливости, как оно было представлено выше, оказалось тем самым значительно ослаблено по сравнению с морализирующим дискурсом «противостояния ведомственной машине» (Яницкий, 2007; об экологическом движении в России см. также: Яницкий, 1996, 1998). В настоящий момент времени деятельность большинства экологических активистов фактически изолирована от повседневной жизни тех локальных сообществ, которые выступают в качестве объекта приложения их усилий, от теоретических достижений современного социального познания, от международного контекста в области природоохранных инициатив. Кроме того, экологические активисты из разных регионов страны слабо взаимодействуют между собой.

Выход из тупика для российского экологического движения возможен при условии решительного пересмотра его тактики и стратегии. Необходимо перейти от реагирования на отдельные случаи экологических нарушений к профилактическому развитию общей экологической активности граждан. Повышение культуры граждан России в области охраны природы требует в качестве первого шага создание в регионах значительного числа негосударственных научно-образовательных инициатив, рассчитанных на долгосрочные потребности локальных сообществ. Доступность достоверной информации о состоянии окружающей среды является одним из базовых условий активности граждан в деле экологической защиты. Соответствующие серверы могли бы быть организованы на базе региональных библиотек и отделов природы региональных музеев. На национальном уровне необходима организация кампании за пересмотр действующего природоохранного законодательства с це-

лью включения в нормативно-правовые акты положений, закрепляющих статус локальных сообществ в качестве субъектов экологического права. Особое место в процессе экологизации сознания граждан могли бы занять малые исследовательские группы, развивающие идеи экологичного дизайна в архитектурном проектировании и строительном бизнесе. Широкое внедрение экологической перспективы в социальной теории основано на создании практических условий для развития рефлексивного отношения каждого отдельного человека к членству в различных активистских сообществах и к охране природы, что, в свою очередь, должно содействовать повышению рефлексивности политического и правового порядка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

ФЗ. (2009) Федеральный закон «Об охране окружающей среды» (№ 7-ФЗ от 10.01.2002, ред. от 27.12.2009) [Электр. ресурс] // База правовой документации «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru/popular/okrsred/> (дата обращения: 20.11.2010).

ЭД. (2002) Экологическая доктрина Российской Федерации : одобрена распоряжением Правительства Российской Федерации от 31 августа 2002 г. № 1225-Р [Электр. ресурс] // Национальный портал «Природа России». URL: <http://www.priroda.ru/law/detail.php?ID=6445> (дата обращения: 20.11.2010).

Вайнер, Д. (1991) Экология в Советской России. Архипелаг свободы: заповедники и охрана природы. М. : Прогресс.

Клеман, К., Мирясова, О., Демидов, А. (2010) От обывателей к активистам: зарождающиеся социальные движения в современной России. М. : Три квадрата.

Мыслящая Россия (2009) : сб. ст. / под ред. В. Куренного. М. : Фонд «Евразия».

Яницкий, О. И. (1996) Экологическое движение в России. Критический анализ. М. : Институт социологии РАН.

Яницкий, О. И. (1998) Экологическое движение в «переходном обществе»: проблемы теории // Социологические исследования. № 6. С. 22–33.

- Яницкий, О. И. (2007) Длинные 1970-е: гражданское общество тогда и сейчас // Не-прикосновенный запас. №2(52). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/2/ia3.html> (дата обращения: 20.11.2010).
- Bryant, B. (1995) *Environmental Justice: Issues, Policies, and Solutions*. Lovelo, CA : Island Press.
- Bullard, R. (ed.) (1993) *Confronting Environmental Racism: Voices from the Grassroots*. Boston, MA : South End Press.
- Bullard, R. (ed.) (2005) *The Quest for Environmental Justice: Human Rights and the Politics of Pollution*. San-Francisco, CA : Sierra Club Books.
- Claviez, T. (2006) Ecology as a Moral Stand(s): Environmental Ethics, Western Moral Philosophy, and the Problem of the Other // Gersdorf C. & Mayer S. *Nature in Literary and Cultural Studies: Transatlantic Conversations on Ecocriticism*. Amsterdam ; N. Y. : Rodopi. P. 435–454.
- Cohen, A. P. (2001) *The Symbolic Construction of Community*. L. : Open University Press.
- Cubitt, S. (2005) *Eco Media*. Amsterdam ; N. Y. : Rodopi.
- Day, G. (2006) *Community and Everyday Life*. L. ; N. Y. : Routledge.
- Della Porta, D., Tarrow S. (eds.) (2005) *Transnational Protest and Global Activism: People, Passions, and Power*. Lanham, MD : Rowman & Littlefield.
- Eckersley, R. (2004) *The Green State: Rethinking Democracy and Sovereignty*. Cambridge, MA : MIT Press.
- Fern, R. (2004) *Nature, God, and Humanity: Envisioning an Ethics of Nature*. Cambridge, UK : Cambridge University Press.
- Hill, L. H., Clover D. E. (eds.) (2003) *Environmental Adult Education: Ecological Learning. Theory and Practice for Socio-Environmental Change*. San Francisco : Jossey-Bass.
- Howes, M. (2005) *Politics and the Environment: Risk and the Role of Government and Industry*. Crows Nest, NSW, Australia : Allen & Unwin.
- Nadeau, R. L. (2003) *The Wealth of Nature: How Mainstream Economics Has Failed the Environment*. N. Y. : Columbia University Press.
- Sassen, S. (2009) *Neither Global nor National: the World's Third Spaces*. Stockholm : Södertörn.
- Schlosberg, D. (2007) *Defining Environmental Justice: Theories, Movements, and Nature*. Oxford : Oxford University Press.
- Scott, J. S. (2006) *Cities, People, and Language* // Gupta A. & Sharma A. (eds.) *The Anthropology of the State: a Reader*. Oxford : Blackwell. P. 247–269.
- Szasz, A. (1994) *EcoPopulism: Toxic Waste and the Movement for Environmental Justice*. Minneapolis, MN : University of Minnesota Press.